

СТРАТЕГИИ «ПРОЧТЕНИЯ» ТЕКСТА КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

О.А. ЛАВРЕНОВА

В статье рассмотрены теоретические и методологические вопросы изучения культурного ландшафта текстологическими методами. Автор указывает, что концепция семиосферы Ю.М. Лотмана существенно расширяет возможности в области изучения не только культуры, но и преобразованного ею географического пространства – культурного ландшафта. В контексте концепции «презюмции текстуальности» культурный ландшафт представлен в качестве идеального объекта изучения.

Ключевые слова: культурный ландшафт, текст, интертекст, семиосфера.

Бытие культуры в географическом пространстве неотделимо от процесса символизирования среды, неотъемлемо присущего человеческому сознанию, и выражается, прежде всего, в осмыслении пространства (в его абстрактном, космическом или географическом понимании) и осмыслении своего места в нем. Пространство и время в современном гуманитарном знании рассматриваются как теоретико-познавательные категории¹. Осмысление пространства имеет много уровней – от ассоциативного до сакрального. В результате складываются устойчивые представления о гео-

¹ См., например: Касавин И.Т. Пространство-время: бытийственная основа знания // Эпистемология и философия науки. №4. 2008.

графических объектах или устойчивые культурно-значимые символы, имеющие разную степень пространственных коннотаций. Культура – универсальный объект семиотики, в данном случае рассматривается как субъект семиотизации географического пространства, выражающийся в наследуемых и постоянно возобновляемых «рамках», возникших в результате этого непрерывающегося процесса, истоки которого лежат в глубокой архаике. Как свидетельствует современная антропология, в архаичных культурах осмысление пространства приравнивается к его освоению, превращению дикой, неконтролируемой среды в знаковую систему, где та же физическая неконтролируемость превращается в знак, обретает свое фиксированное место в картине мира, становится подконтрольной на смысловом уровне. Те же семиотические процессы выявляются и в современных культурах.

Географические объекты становятся символами в том случае, если в культуре есть устойчивые ассоциации с определенными историческими событиями, артефактами или уникальными чертами природного ландшафта. Эта подвижная в области означаемых и латентная знаковая система неизменно имеет константные «реперы» – конкретные географические объекты. Поэтому можно говорить, что географическое пространство неотделимо от созданных культурой образов и символов, обретающих характеристики целостной системы, которую можно обоснованно рассматривать как геокультурное пространство.

Геокультурное пространство состоит из своеобразных информационно-территориальных «кластеров» – культурных ландшафтов. Это понятие, также как и понятие «культура» имеет множество толкований в естественных и гуманитарных науках, иногда диаметрально противоположных. В нашем случае в качестве рабочей теории наиболее близко определение культуры, бытующее в современной культурной антропологии – как способа производства значений, смыслов и символов, их распространения, закрепления их освоения (Макс Вебер, Клиффорд Гирц).

Культурный ландшафт рассматривается как некое динамическое единство географического пространства и человеческой деятельности во всех ее проявлениях. В современной науке очень много аспектов этого понятия.

В данной работе мы будем рассматривать культурный ландшафт как целостную и территориально локализованную совокупность природных и социально-культурных явлений, а также как информацию в пространстве и о пространстве, возникающую в процессе жизнедеятельности культуры, как составную часть семиосферы и семиотическую систему. В такой знаковой системе

отдельные географические объекты и/или их топонимы означают определенные смысловые категории или архетипы, и территориальная локализованность этих значений «вынуждает» их быть взаимосвязанными, выстраиваться в систему.

ТЕКСТ, ИНТЕРТЕКСТ И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Можно ли применить к культурному ландшафту исследовательский подход, который позволит под новым углом увидеть этот феномен и изучать его структурные и морфологические особенности – попытаться рассмотреть культурный ландшафт как текст?

До 80-х годов прошлого века в отечественной науке доминировало жесткое понимание текста. Как одно из фундаментальных рассматривалось определение текста по А.М. Пятигорскому, где одним из важных элементов было условие сознательной передачи сообщения. «Во-первых, текстом будет считаться только такое сообщение, которое пространственно (т.е. оптически, акустически или каким-либо иным образом) зафиксировано.

Во-вторых, текстом будет считаться только такое сообщение, пространственная фиксация которого была не случайным явлением, а необходимым средством сознательной передачи этого сообщения его автором или другими лицами.

В-третьих, предполагается, что его текст понятен, т.е. не нуждается в дешифровке, не содержит мешающих его пониманию лингвистических трудностей и т.д. Разумеется, речь может идти лишь о каком-то определенном (во времени и пространстве) уровне понимания, хотя и допускающем толкование, но в общем предполагающем более или менее адекватный прием данного сообщения»².

Структурализм, изучая литературные и другие тексты, стремился уловить в них структуру – формообразующий механизм, порождающий все продукты социально-символической деятельности человека. Основоположник французского структурализма Кл. Леви-Стросс сформулировал фундаментальное теоретическое допущение, согласно которому «культура обладает строением, подобным строению языка»³.

«Методология «жесткого», сциентистского структурализма, непосредственно ориентированного на лингвосемиотические мо-

² Пятигорский А.М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала. В кн.: А.М. Пятигорский. Избранные труды. М., 1996. С. 16–17.

³ Lévi-Strauss Cl. Antropologie structurale. Paris, 1958. P. 79.

дели Соссюра, Jakobsona и Ельмслева, заключалась в том, чтобы «по ту сторону» эмпирического бытия культурных объектов обнаружить лежащие в их основе имманентные абстрактные единства («языки», или «коды»), а затем формализовать их с помощью структурно-семиотических методов»⁴.

Постструктурализм выдвинул тезис о том, что «представляя сложное, многократное переплетение множества разнородных кодов, дискурсов и голосов, культура <...> может быть определена как Текст (текст значит «плетение», «ткань»), в который вплетается каждое новое произведение-высказывание»⁵.

Семиотизация географического пространства, возникающая в процессе жизнедеятельности культуры, может быть описана именно с помощью концепций постструктурализма, к которому тяготели Бахтин, Лотман, Гаспаров.

Неизбежную субъективность ментальных конструктов в восприятии и научной интерпретации действительности отметил Б.М. Гаспаров, введя в научный оборот понятие презумпции текстуальности. Презумпция текстуальности, по Б.М. Гаспарову, (в отношении речевых актов) состоит в «готовности и даже потребности представить себе нечто, осознаваемое нами как высказывание в качестве непосредственного и целиком обозримого феномена»⁶. «Действие презумпции текстуальности состоит в том, что осознав некий текст как целое, мы тем самым ищем его понимания как целого. Это «целое» может быть сколько угодно сложным и многосоставным; поиск «целостности» отнюдь не следует понимать в том смысле, что мы ищем абсолютной интеграции всех компонентов текста в какое-то единое и последовательное смысловое построение. Идея целостности, вырастающая на основе презумпции текстуальности, проявляется лишь в том, что, какими бы разнообразными и разнородными ни были смыслы, совместно относящиеся к данному тексту, а значит – при всей разноречивости – имеющие какое-то отношение друг к другу в рамках этого текста»⁷.

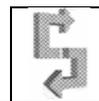
Понимание культуры как «иерархически организованной системы разных кодов, т.е. вторичных знаковых систем, использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к «картине

⁴ Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 5.

⁵ Там же С. 37.

⁶ Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. С. 324.

⁷ Там же. С. 324.

мира», к мировоззрению данного социума»⁸, способствует тому, что картина мира, в том числе и выраженная в ономастике, рассматривается как отражение внутренних особенностей этой культуры. «...В ономастической картине мира воплощается характер культуры каждого этноса и каждого человека – имядателя»⁹.

Концепция семиосферы Ю.М. Лотмана существенно расширяет возможности постструктурализма в области изучения не только культуры, но и преобразованного ею географического пространства – культурного ландшафта. «...В рамках концепции семиосферы понятие текстуальности уже не ограничивается областью литературы и даже культуры в ее узком понимании. Оно охватывает предельно широкую сферу результатов информационно-творческого взаимодействия человека и действительности, его повседневного поведения. В частности, признак таким образом понятой текстуальности вполне корректно определяет место жизни человека в его семиотической проекции, через которую место входит в семиосферу национальной культуры через один из ее топосов»¹⁰.

Формирование культурного ландшафта происходит в рамках исторического процесса, оставляющего свои «следы» в ландшафте в виде артефактов и памятников, традиционных или инновационных типов землепользования, событийного или легендарного ореола тех или иных мест. Хотя «...постструктурализм подверг радикальному пересмотру само представление об истории как смыслосообразном процессе, заменив его бесцельным «становлением», движимым множеством гетерономных «желаний»»¹¹, тем не менее, в результате исторического процесса формируются последовательные представления о значимости событий, а стало быть, о значимости связанных с ними мест. Б.А. Успенский рассматривал возможность интерпретации исторического процесса в качестве текста – последовательности сообщений, которая прочитывается социумом. «Восприятие тех или иных событий как *значимых* – независимо от того, являются ли они продуктом *знаковой* деятельности – выступает <...> как ключевой фактор: то или иное осмысление событийного текста предопределяет дальнейшее течение событий. В качестве кода выступает <...> некоторый «язык» <...> определяющий восприятие <...> фактов – как реальных так и по-

⁸ Толстой Н.И., Толстая С.М. О словаре «Славянские древности» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 1. М., 1995. С. 7.

⁹ Материалы к серии «Народы и культуры». Вып.25: Ономастика. Кн.1. Имя и культура. М., 1993. Ч. 1. С. 3.

¹⁰ Абашеев В.В. Пермь как текст. Пермь, 2000. С. 9.

¹¹ Косиков Г.К. Указ. соч. С. 10.

тенциально-возможных – в соответствующем историко-культурном контексте. Таким образом, событиям приписывается значение: *текст* событий *читается* социумом. Можно сказать тогда, что в своей элементарной фазе исторический процесс предстает как процесс порождения новых «фраз» на некотором «языке» прочтения их общественным адресатом (социумом), которое и определяет его ответную реакцию»¹². В результате такой интерпретации вполне обоснованно «исторический процесс может предстать как коммуникация между социумом и индивидом, социумом и Богом, социумом и судьбой и т.п.»¹³.

По аналогии с этим пониманием исторического процесса возможно представить процесс формирования и существования культурного ландшафта, где не только события, но и места, с ними связанные, воспринимаются как значимые и несущие в себе определенное сообщение для социума. Критерий значимости места в культуре и, соответственно, известности его топонима – «это способность имени к образованию вторичный (переносных) значений, т.е. к деноминации (ср. вторичные значения топонимов *Вавилон*, *Сибирь*, *Камчатка*)»¹⁴. Вторичные или переносные значения топонимов и представляют собой сообщения.

Эти сообщения возможно прочесть в их исторической и, соответственно, смысловой последовательности, т.е. как текст. «Историческая жизнь места (локуса) сопровождается непрерывным процессом символизации, результаты которой закрепляются в фольклоре, топонимике, исторических повествованиях, в широком многообразии речевых жанров, повествующих об этом месте, и, наконец, в художественной литературе.

В стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом формируется *локальный* текст культуры, определяющий наше восприятие места, отношение к нему»¹⁵. Иногда локусы-сообщения используются для составления новых текстов, например, при разработке маршрутов паломничеств или тематических экскурсий. В остальных случаях прочтение локу-

¹² Успенский Б.А. История и семиотика. В кн.: Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 12.

¹³ Там же.

¹⁴ Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000. С. 19.

¹⁵ Абашеев В.В. Пермь как текст. Пермь, 2000. С. 11–12.

сов-сообщений, интерпретация смыслов места и локального текста культуры зависит от интенций воспринимающего.

Процесс создания любого текста обозначается А.М. Пятигорским как субъективная ситуация. «Текст создается в определенной, единственной ситуации связи – субъективной ситуации, а воспринимается в зависимости от времени и места в бесчисленном множестве объективных ситуаций... <...> Эта субъективная ситуация может не быть описана в тексте, мало того, она может оказаться не реконструируемой на основании текста»¹⁶. В абсолютном большинстве случаев означивания географических объектов и определения их смысловой последовательности в роли субъекта выступает культура тех общностей людей, которые связаны с означиваемой территорией. Таким образом, субъективная ситуация в пространстве, продолжается бесконечно, хотя некоторые субъекты – этносы, создав ряд «сообщений», перестают существовать. Соответственно, по отношению к культурному ландшафту как тексту оказывается неверным разведение во времени субъективной и объективной ситуации. «Создание всякого, а не только литературного текста предшествует его восприятию. <...> ...Восприятие текста начинается непосредственно после того, как он создан целиком. Любая (а не только сигнальная) информация со стороны объекта может изменить субъективную ситуацию, и мы по существу уже будем иметь дело с другим текстом, с иной субъективной ситуацией»¹⁷. В случае с культурным ландшафтом подобное правило не соблюдается, поскольку современная культура не только воспринимает (наследует, рефлексировывает) созданные ранее и запечатленные в географическом пространстве смыслы, но и вносит свои изменения даже в результате восприятия, если при этом происходит переосмысление сообщений, созданных ранее. В связи с этим по отношению к пространству, семантически упорядочиваемому культурой, как нельзя больше подходит понятие интертекста. «...Интертекст следует понимать <...> как пространство схождения всевозможных *цитаций*»¹⁸. «...Акт возникновения интертекста должен рассматриваться как результат процедуры «чтения-письма»: интертекст *пишется* в процессе *считывания* чужих дискурсов...»¹⁹.

¹⁶ Пятигорский А.М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала. В кн.: А.М. Пятигорский. Избранные труды. М., 1996. С. 18.

¹⁷ Там же. С. 25.

¹⁸ Косиков Г.К. Указ. соч. С. 36.

¹⁹ Там же. С. 37.

Таким образом, изучая проявление культуры в пространстве, мы оказываемся не чуждыми методологической установке структурализма – «унификации гуманитарных наук под знаком лингвистики»²⁰. «...Экспансия «лингвистического» подхода к явлениям культуры отнюдь не является неким «переводом» культуроведческой терминологии на терминологию лингвистическую, а скорее иным, структурально более четким подходом к культуре как некоему систематическому целому»²¹.

На этом методологическом фундаменте возникли этнолингвистика, этносемиотика, этносемиология, которые воспринимают « всю эту обширную предметную область как единый объект – язык культуры в семиотическом смысле слова, единицы которого могут иметь разную субстанцию <...> принадлежать разным кодам, но составлять единую знаковую систему с общим «планом содержания» (за всеми формами культуры и языком стоит одна и та же «Картина мира»)»²².

Теоретики семиотики вынуждены прибегать к пространственным метафорам, чтобы описать реальность языка: «...Особенность письма связана со сложным смыслом выражения *пространственная разнесенность*: это и диастема, и спатIALIZация времени, но также и выявление – в некоем исходном пункте – таких значений, которые необратимая линейная последовательность, движущаяся от одной наличной точки к наличной другой, всячески стремится вытеснить, хотя и не всегда успешно»²³. Как центр современного гуманитарного знания определяется «пересечение языка (действительной практики мысли) и пространства (единственного измерения, где значение возникает за счет совмещения различий)»²⁴. Не менее плодотворно обратное – философское и культурологическое осмысление культурного пространства как текста.

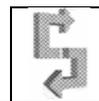
²⁰ Там же. С. 4.

²¹ Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2 изд., испр. М., 1995. С. 16.

²² Толстая С.М. Этнолингвистика // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 235.

²³ Деррида Ж. Фрейд и сцена письма // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 363.

²⁴ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 428–429.

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ТЕКСТ

Культурный ландшафт представляет собой знаковую систему, в которой знаки находятся в сложных и поливалентных взаимоотношениях, поэтому его вполне можно рассматривать как текст, доступный прочтению. Такому взгляду на культурный ландшафт весьма способствует культурологическое понятие текста «как гибкой в своих границах, иерархизированной, но подвижно структурирующейся системе значащих элементов, охватывающей диапазон от единичного высказывания до многоэлементных и гетерогенных символических образований»²⁵.

Смыслы в интертексте культуры текучие и незакрепленные, постоянно «дрейфующие» от произведения к произведению, от артефакта к артефакту. Культурный ландшафт отличается от культуры как таковой фиксацией смыслов в пространстве. Смыслы могут видоизменяться, добавляться или исчезать, но в случае их прикрепленности к месту легко прослеживается и дешифрируется их генезис.

Взаимодействие культур, которое можно рассматривать как диалог культур, т.е. языковые отношения, отношения взаимного обмена системой символов, в пространстве ландшафта рождает полифонию смыслов.

Полисемантичесность топонимов-знаков и их взаимоотношений в провинциальном пространстве обычно считывается обитателем на интуитивном, герменевтическом уровне и далеко не всегда осмысливается. Чтение текста культурного ландшафта места жительства возможно лишь при некоторой отстраненности взгляда, рефлексии. Суть взаимоотношений человека и ландшафта выражается в бытийности места жительства. Об этом как нельзя лучше говорит А. Экзюпери устами своего героя, размышляющего о подвластном ему гипотетическом царстве: «Великая истина открылась мне. Я узнал: люди *живут*. А смысл их жизни в их доме. Дорога, ячменное поле, склон холма разговаривают по-разному с чужаком и с тем, кто здесь родился. Привычный взгляд не дивится выхваченным частностям, он и не видит ничего, родная картина давно легла ему на сердце»²⁶. Информация, заключенная в ландшафте, чаще всего, воспринимается его обитателями на подсозна-

²⁵ Абашеев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. С. 7.

²⁶ Сент-Экзюпери А. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Согласие, 1994. С. 18.

тельном уровне, но при этом они в достаточной мере ощущают ее значимость. Поэтому для жителя процесс осознания знаковости привычного места сходен с процессом саморефлексии.

Но такую латентную информацию можно перевести в пространственно-знаковую модель. Пересечение смыслов в одном локусе дает приращение смысла. Сама поливалентность значений в пространстве имеет значение «культурной насыщенности», граничащей с понятием культурного наследия.

Семантика культурного ландшафта обычно документируется и/или генерируется в различных художественных и документальных текстах, являющихся выражением ментальности локальной и национальной культуры. Изучение отражения места и географического пространства в целом в литературном тексте, а также фольклоре, дает возможность реконструировать глубинные процессы культуры. «Географическое пространство, которое становится своим собственным образом (или образами), может быть и средством, *универсальным инструментом типологического анализа письма и различного рода текстов*. Письмо как своеобразный инвариант географического пространства заключает в себе богатые возможности для образно-географических исследований литературных произведений. Постепенное развертывание и представление *письма как уникального географического процесса* позволяет проанализировать обратные связи в условной системе «образ – реальность»²⁷. При применении соответствующего анализа текстов литературный текст становится инструментом познания процессов и явлений, происходящих в геокультурном пространстве. Наличие текстов, генетически связанных с ландшафтом, подразумевает, что семиотическая система ландшафта строится также по принципу «мозаики цитаций» как продукт впитывания в информационную составляющую ландшафта других текстов и при считывании этого интертекста – генерации других текстов.

Именно через литературный текст чаще всего исследуется латентная семантика культурного ландшафта. Используются также исторические документы, живописные источники, семантика архитектурных форм, цветовые, звуко-музыкальные, а также другие особенности природной среды, данные специальных опросов, тексты реклам турфирм и анализ рекреационных потоков, которые позволяют исследовать семантику места в контексте национальной и локальной культуры. Исследование подобных разнородных

²⁷ Замятин Д.Н. Мета-география: пространство образов и образы пространства. М., 2004. С. 40.

данных способствует в той или иной степени выделению тех смыслов и значений, которые в определенном социуме, культуре или субкультуре соответствуют рассматриваемому географическому объекту.

Культурный ландшафт может быть представлен и как система иконических знаков, или как поливалентный иконический знак, трансформирующийся путем редуцирования информации в иероглиф. «Модель иероглифического письма (она, впрочем, встречается и во всех прочих типах письма) более зримо объединяет все многообразие форм и функций знака. <...> Любой – словесный или несловесный – знак может быть использован на таких уровнях, в такой роли и в таких конфигурациях, которые отнюдь не предписываются его «сущностью», но рождаются из игры различий»²⁸. Перепады рельефа, непохожесть урочищ и фаций природного ландшафта и перепады смыслов составляют «n-мерный» иероглиф культурного ландшафта, в котором сочетаются природная и культурная компоненты. Базовый цвет (вариации зеленого цвета преобладающей растительности, красный песок, серый камень и т.п.) и звук ландшафта (гул горных рек, раздающийся на многие километры, птичий гомон, шум машин), пластика рельефа и архитектурные формы способны воздействовать помимо сознания, затрагивая наиболее глубинные пласты личности воспринимающего, связанные с культурными архетипами. Соответственно, в отличие от транслингвистического подхода, который имеет дело со словом и с многосоставными семиологическими системами, которые «означают под языком, но никогда помимо его»²⁹, семиологическая система культурного ландшафта имеет много значений, которые бытуют помимо языка, в области подсознательного.

Пластика ландшафта, его ритм, структура, могут выступать как его смысл, т.к. имеют множество культурных коннотаций. Даже такой элемент природного ландшафта, как моренный валун, может выступать в качестве носителя идеи эроса, первозданной красоты, которая по сути связана с пластом знаний об истории Земли³⁰. В данном случае можно говорить о превращении науч-

²⁸ Деррида Ж. Фрейд и сцена письма // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 363.

²⁹ Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С.115.

³⁰ Один из профессоров-геоморфологов географического факультета МГУ на полевой практике в 1990-е годы обращал внимание студентов именно на эротичность этих свидетелей и участников эпохи наступления ледника, обкатанных его неумолимой силой.

ных знаний в эстетическое, чувственное переживание, актуализирующееся при соприкосновении с определенными свойствами ландшафта.

Логика знаковой системы культурного ландшафта нелинейна, и это вполне согласуется с тем, что «...текст не знает ни конца, ни начала, ни внутренней иерархии, ни линейной упорядоченности, ни нарративной структуры»³¹. Можно представить культурный ландшафт как плетение смыслов. Если есть узлы, есть и ткань нерегулярного плетения. Ландшафт – символ неравномерности. Именно в таком смысле используется термин «ландшафт», когда речь идет о текстах, философии, других не имеющих отношения к географии понятиях и вещах. Происходит обратный процесс от символизации пространства к символизации пространственными понятиями сугубо умозрительных категорий.

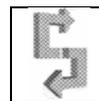
Если вернуться к аналогиям в философии языка, то уместно вспомнить, что «письмо и молчание» Ролана Барта постулирует саморазрушение языка. Молчание освобождает от контекста. «Само молчание превращается здесь в некое однородное поэтическое время, оно взрезает языковые слои и заставляет ощутить каждое слово – не как фрагмент криптограммы, а как вспышку света, зияющую пустоту или как истину, заключенную в смерти и свободе»³². «...Формальный инструмент <...> оказывается молчанием, облекшимся в плоть»³³.

Можно предположить, что лакуны смысла и времени в культурном ландшафте – подобно темной материи во Вселенной являются структурообразующим элементом. Но есть ли в ландшафте «пустые» места? Собственно природные свойства местности – уже смысл, но только в присутствии наблюдателя. Идя через пустыню, человек преодолевает пространство определенного качества, имеющего стабильные коннотации в мировой культуре, которые каждый человек несет в себе. Так рождается ситуативное осмысление пространства – для единственного путешественника и наблюдателя. Оно останется в его личном опыте, и привнесет новые аспекты и грани смысла в целокупный интертекст культуры, только если будет выплеснут в письменном (на цифровом или бумажном носителе) или аудио-визуальном виде. Лакуны могут возникать, как изнанка смыслов в определенной системе философских, эстетических, этических координат. Как стихийные свалки или

³¹ Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 38.

³² Барт Р. Нулевая степень письма // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 89.

³³ Там же. С. 91.

«палаточные городки» бомжей, периодически возникающие в ландшафте города, но в местах, практически не контролируемых городской цивилизацией. В этом отношении интересна концепция «выморочного» района, выделяемого исследователями там, где ослабевают качества или признаки, по которым та или иная территория относится к крупному культурному или экономическому центру притяжения. Здесь, также как и при описании объективных законов зональности, «могут оказаться уместными некоторые из основных понятий математики и математической физики <...> как линейно упорядоченное множество и поле. В самом деле, город, промышленный центр, создающий вокруг себя концентрические зоны, окружен как бы полем тяготения, в котором могут быть найдены силовые линии, вычислена напряженность поля и работа его сил»³⁴.

«Выморочные» участки земной поверхности, где ослабевают силовые линии культурного пространства, также можно обозначить как лакуны смысла и признать, что без существования таких «пространств молчания» в контексте целостного культурного ландшафта не было бы и структуры, создаваемой перепадами информативной и смысловой насыщенностью, своеобразного рельефа смыслов. Как постулирует один из современных классиков теоретической географии Б.Б. Родоман, «рельефная интерпретация <...> важна не для геоморфологии, а для квазигеоморфологии – того направления теоретической географии, которое не только пользуется понятием рельефа, но и уподобляет статистический рельеф физическому рельефу литосферы, допуская аналогичные процессы»³⁵.

Но что собственно мы можем выделить как структурную единицу в культурном ландшафте, если мы рассматриваем его как текст? В лингвистике единицей текста определяется слово: «...Статус слова как минимальной единицы текста является не только медиатором, связывающим структурную модель с ее культурным (историческим) окружением, но и регулятором, управляющим процессом перехода диахронии в синхронию (в литературную структуру). Само слово «статус» уже наделяет слово пространственными характеристиками: оно функционирует в трех измерениях (субъект–получатель–контекст) как совокупность семных элементов, находящихся в диалогических отношениях, или же как совокупность амбивалентных элементов»³⁶. В культу-

³⁴ Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Смоленск, 1999. С. 67.

³⁵ Там же. С. 75.

³⁶ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., 2000. С.429.

рологии, при том что культура рассматривается как текст, такая структурная единица не определена. Но пространственный компонент культуры обязывает к проявлению структуры. В природном ландшафте минимальными единицами определяются фации и урочища, в культурном ландшафте, образовании информационном по сути, но имеющем свою сетку координат и географических констант единицей может выступить локус-символ, поскольку подразумевается, что символическое значение имеет связь с конкретной территориальной единицей. Бесконечность или точка, как немасштабные понятия геометрического пространства – выразители абстрактных, трансцендентных или вымышленных пространств, таких как ад, рай, тридесятое царство...

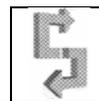
Согласно концепциям постструктурализма, любой текст так или иначе свидетельствует о некоем «трансцендентальном означаемом», которое «оказывается проекцией и воплощением нашей потребности в таком означаемом, то его присутствие <...> подвергается бесконечной «отсрочке», подобно миражу, бесконечно отступающему в бесконечную даль. Трансцендентальное означаемое способно являть лишь *следы* своего *отсутствия*»³⁷. Теории присутствия в культурном ландшафте некоего трансцендентального импульса, нашла свое воплощение в современной западной географии, в частности, в работах Р.Д. Сэка³⁸. Так или иначе, семиотическая составляющая любого культурного ландшафта может быть рассмотрена в соответствие с этой концепцией. И в этом случае гипотеза о трансцендентальном означаемом является неотъемлемой потребностью сознания, воспринимающего сообщения и знаки, распределенные в географическом пространстве, и стремящегося увидеть за ними нечто более цельное, чем породившая их культура.

Иконографическое представление о мире сохраняется во внутренней организации культурного ландшафта. Так, проведенные исследования отражения географического пространства в русской поэзии XVIII – начала XX в. показывают, что культура России имеет территориальную организацию, сходную с иконической³⁹. Горизонтальные оси пространства – основные реки европейской России (Волга, Днепр, Дон). Вертикальная ось, соединяющая землю с небом, проходит через Москву, являющуюся сердцем дореволюционной культуры России. Голова России – столичный Петербург, одновременно являющийся ее inferнальным полюсом. Урал в религиозно-мифологическом контексте представляет собой

³⁷ Косиков Г.К. Указ соч. С.46.

³⁸ Sack R.D. Conception of space in social thought. Hong-Cong, 1980.

³⁹ Idid.

рубеж, отделяющий цивилизованный мир от территорий относительно дикой природы, Космос от Хаоса. За ним существует хаотичное (с точки зрения европейской России) пространство потенциальной мощи страны – Сибирь.

СТРАТЕГИИ ПРОЧТЕНИЯ

Процесс чтения текста – объект пристального внимания философов и культурологов, пытающихся определить, где пролегает граница между чтением и пониманием, являющаяся чрезвычайно важным элементом в когнитивной теории познания, какие параметры в этом процессе определяет текст, а какие – субъект чтения. «Читать – это значит находиться по другую сторону от собственных процедур понимания, быть вне себя, быть до мысли и языка. И самое главное, – читая, я вступаю в сферу коммуникативной стратегии, которая организуется не моей способностью понимать, а строением философского произведения. Когда я читаю, не я понимаю, а меня понимают (читаемый текст не нуждается в моей понимающей процедуре). В этом выводе нет ничего невероятного, если мы попробуем осмыслить пространство чтения как такое предпространство, которое делает возможным понимание на совершенно ином коммуникативном уровне. Пространство чтения – это место мысли как события, причем, событие предшествует и включает в себя мысль, оно — очаг еще не ставших значений мыслимого, не омертвевших в философском термине, не введенных благодаря последнему в архитектуру категориальной системы. В пространстве чтения власть философского произведения ослаблена, там разрастается один текст. Желая чтения, я желаю текста, ибо это открывает мне возможность быть Другим, я желаю его, как желают тела Другого, ибо текст – не только набор философских терминов, своей конфигурацией организующих поле значения, но особая материя чтения, которая «ткется» (Ф. Ницше), предстает как «особая плоть» (Э. Гуссерль), разновидность «тела» (П. Валери, Р. Барт), ощущается как «текстура» (М. Мерло-Понти), – текст эротичен. Текст, открывающийся в пространстве чтения, это наше другое тело, которым мы вновь и вновь желаем обладать. Пока мы читаем, оно не перестает разрастаться, захватывая собой мир, еще недавно принадлежащий только нам»⁴⁰.

⁴⁰ Подорога В. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: Серен Киркегор Фридрих Ницше Мартин Хайдеггер Марсель Пруст Франц Кафка. М., 1995. С.23.

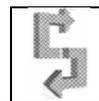
«Прочтение» текста культурного ландшафта сходно с методикой моделирования образов места, которая достаточно широко представлена в монографии Д. Замятина⁴¹. Основным принципом таких методик должно быть преобразование латентной информации в пространственно-знаковую модель.

Для исследования семантики культурного ландшафта и исследований его именно с точки зрения текстовых характеристик, необходимо учитывать отношения между топонимами-знаками. Для этого обширная информация, представляющая в упорядоченной совокупности образ культурного ландшафта в целом и систему образов составляющих его геообъектов, должна быть «отфильтрована» – должны быть отобраны наиболее часто повторяющиеся и наиболее распространенные значения. Результатом такой «фильтрации» должна стать модель культурного ландшафта, адекватно отражающая систему отношений топонимов-знаков. Особенность методики такого преобразования в вычлениении из разнородных данных, прежде всего информации о том, каким образом происходит взаимное восприятие территориальных общностей определенных мест или регионов. Похожие исследования уже проводились на основе анализа литературных текстов⁴². В исследованиях такого рода также важную роль играют герменевтические методы изучения.

В соответствии с положениями текстологии, связный текст от бессистемного комплекса смысловых сообщений отличает существование особого текстового отношения – экспозиции, главным член которого – «смысловое отношение – его следствие». Рассматривая культурный ландшафт как текст, можно заметить, что смысловые отношения в нем упорядочены в пространстве и не имеют строго фиксированной последовательности. Экспозиция такого текста нелинейна. Книжный текст имеет своеобразную «древовидную» последовательность высказываний с очередным (надстраиваемым) смысловым отношением. В культурном ландшафте отношения между топонимами-знаками и соответствующими географическими объектами также имеют разветвленную структуру, но смысловое отношение и его следствие разворачиваются не во времени, а в пространстве. Говоря о текстах философских произведений, превращающихся по ходу чтения в ландшафтную метафору, Валерий Подорога полагает наличие не-

⁴¹ См.: Замятин Д.Н. Моделирование географических образов. Смоленск, 1999.

⁴² См.: Лавренова О.А. Географическое пространство в произведениях американских писателей // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 1993. № 3. С. 27–34.

скольких стратегий прочтения: «Акции чтения подобны раскрою материи. Каждая вырезка образует фигуру, отделяясь от другой по линии выреза, сам же вырез наносится с учетом определенной размерности вырезаемого куска (и может быть вырезом, включающим в себя только физиологическое или климатическое, или языковое, или только геологическое измерение мысли). Каждая фигура – фрагмент читаемого текста, в котором господствует одно измерение. И фигура (или один фрагмент текста) связывается с другой благодаря линии выреза. Другими словами, каждая отдельная линия чтения становится возможной, если она осуществляется по линии выреза, которая, прерывая чтение, дает его непрерывную пульсацию»⁴³.

Если в случае с текстом на бумаге возможно несколько направлений, линий и «блоков» прочтения, то еще более справедливо для культурного ландшафта.

Легче всего поддаются прочтению ландшафты-тексты национальной истории. Например, изучение семиотической структуры культурного ландшафта России на материале русской поэзии⁴⁴ показывает, что она представляет собой «застывшую в пространстве волну колонизации». Староосвоенная европейская часть России отделена от бесструктурного, внутренне хаотичного топонима-пространства Сибири границей-фронтиром Уральских гор. Таким образом, одновременно существующие в пространстве топонимы-знаки или сообщения могут быть прочитаны как определенная последовательность сообщений, как текст. Микрогеография локальных культурных ландшафтов читается в соответствии с местной историей.

Тот же текст культурного ландшафта России может быть прочитан не в историческом, но в религиозно-мифологическом ключе. Это прочтение, в отличие от исторического, более универсально и, в то же время, более обобщенно. В этом же ключе могут быть прочитаны тексты культурных ландшафтов регионального и локального уровня.

Наиболее распространенные архаические символы в той или иной редакции присутствуют в каждом локальном культурном ландшафте и не требуют особых пояснений для постороннего зрителя, владеющего языком религиозно-мифологических пространственных символов. Дорога – полисемантический в русской культуре символ Пути. Река рассматривается в качестве «стержня» ло-

⁴³ Подорога В. Указ. соч. С. 31.

⁴⁴ См.: Лавренова. Указ. соч.

кальной вселенной, а также – мирового пути⁴⁵. Холм, самое высокое место в поселении, обычно освященное храмом, монастырем – символ устремления земли к Небу, молитвы, и собственно храм – «наиболее обобщенный, семантически насыщенный образ мироздания»⁴⁶ как такового.

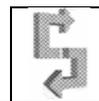
В современной культуре подобным же образом возникают «прочтения» текста ландшафта на основе текста культовых художественных произведений. Создаются особые маршруты-прочтения, как, например, Москва «Мастера и Маргариты» Булгакова, Петербург «Медного Всадника» А.С. Пушкина. Тот же самый эффект возникает и в провинциальном ландшафте, если он был отражен в произведениях литераторов национального и мирового масштаба. Причем, совершенно не обязательно, чтобы в произведениях такого ранга были упомянуты конкретные топонимы. Так, роман А. Платонова «Чевенгур», один из самых значительных романов 1920–1930-х годов, напечатанный в России спустя шестьдесят лет после своего написания, стал поводом пристального внимания исследователей к реальному пространству юга Воронежской области – пространству, явившемуся прототипом места действия философского романа-метафоры. Топоним «Чевенгур» (предположительно, «вывернутый на изнанку» Богучар) – авторский вымысел, но романе участвуют и реальные топонимы, оставшиеся в тексте в своем первоначальном звучании и местоположении. Интересен опыт экспедиционного исследования окрестностей города Богучара как акта прочтения философских откровений романа А. Платонова в реальном культурном ландшафте⁴⁷. Перемещение в пространстве-тексте происходило как приобщение к тексту литературного произведения, к его полисемантической многослойности.

Следуя внутренним линиям ландшафтного текста, его ритмике, перемещаясь в нем, человек вынужден действовать в соответствии с заданными смысловыми параметрами – особенность текста ландшафта в том, что чтение, считывание влечет за собой действие, чтение превращается в «танец». Этот процесс танца в ландшафте, наполненного смыслами, прекрасно описал А. де Сент-Экзюпери: «...Пустоту пустыни нужно оживить, чтобы она

⁴⁵ Топоров В.Н. Река // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1988. С. 176.

⁴⁶ Там же. С. 93.

⁴⁷ См.: Балдин А., Голованов В., Замятин Д. Империя пространства. К развалинам Чевенгура // Книжное обозрение «Ex libris НГ». № 41 (164). 26 октября 2000 г.; В. Голованов. К развалинам Чевенгура. Новые Географические открытия // Общая газета. № 39 (373), 28 сентября – 4 октября 2000 г.

питала душу и сердце, чтобы питала усердие и рвение, – твою пустыню нужно пронизать силовыми линиями. Их может напрячь природа, может – царство. <...> По своей пустыне ты идешь, как приговоренный к смерти, а потом как отпущенный на свободу, то приготовившись к любой неожиданности, то избавленный от всех неожиданностей, то как преследователь, а то с болезненной осторожностью, будто в спальне любимой, сон которой боишься нарушить. <...> ...Окружающее потеряет для тебя свою монотонность, неукоснительно будешь следовать ты распорядку, к которому принудила тебя пустыня, а танец твой будет щедр на выдумку, богат и разнообразен»⁴⁸.

По сути, стратегия «прочтения» культурного ландшафта как текста возрождает культурные метафоры «мир – книга» и «книга – икона мира». Подобным образом конструируется среда обитания, человек набрасывает смысловую сеть на элементы ландшафта⁴⁹ и создает качественно иной мир, наполненный значениями и символами, которая потом становится самоценной и требует движения в ландшафтно-текстовом пространстве, путешествия реального или виртуального от одного смыслового «узелка» к другому. Мир, структурированный и текстуализированный культурой, также как и текст художественного или философского произведения, вызывает желание прочесть – ему имманентен эрос в процессе его бытия, познания и осмысления. Прочтением текста открываются и генерируются новые смыслы, влияющие на стратегии поведения и действия в ландшафте, – интертекст культурного ландшафта обладает свойствами интерактивности, направленными не только внутрь текста (порождение новых смыслов в результате считывания), но и вовне (считывание-«танец», считывание-действие в пространстве, рождающее новую знаковую систему, параллельную изначальной, если она не направлена на ее изменение).

⁴⁸ Сент-Экзюпери А. де. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. Цитадель. С. 319–321.

⁴⁹ См.: Штейнс В.В. Человек и культурный ландшафт // Интеллектуальные ресурсы развития научно-технического прогресса. Тезисы докладов и сообщений. Нальчик. 23–27 мая 1988 г. М., 1988.